Romanoslavica vol. XLVI, nr. 4

НЕООПРИЧНИНА ИЛИ АНТИУТОПИЯ СОРОКИНА

Антоанета ОЛТЯНУ

К моим текстам люди привыкают постепенно, как к любым
экзотическим вещам. Возьмем, например, экзотическую кухню.
Сначала говорят: «Какое свинство!»! После этого она становится модной
и, в конечном итоге, оказывается что ее можно употребить
ежедневно. Моих читателей становится все больше, и
это говорит о том, что «живот» современной культуры требует
различных продуктов: не только сладостей, но и хрена, и горчицы.»

Владимир Сорокин, интервью[1]

«Владимир Сорокин сегодня в России – писатель номер
один. Со всеми вытекающими. Как раньше говорили,
ВПЗР. То есть Великий Писатель Земли Русской. Сорокин –
это бренд. Это успех. Это скандал…»

Дмитрий Бавильский[2]

The papers discusses one of the latest novel of Vladimir Sorokin, *A Day in the Life of an Oprichnik* and *Sugar Kremlin* (2006, 2008). Written in the manner of classical Russian and Soviet antiutopian novels (Zamiatin, Grossman, Platonov, Tatiana Tolstaia and so on), the two novels are a very good example of transformation of Sorokin's style: starting with his papers in conceptualist, antisoviet/ antisocialist realistic style, the writer changed gradually its style, becoming more focused on a main idea, a main theme, and not on expression and shocking words. The two novels, parts of a dilogy, are a very good example of Russian totalitarianism, from *oprichnina* established by Ivan the Terrible in 16th century to Red dictatorship during Soviet era. Placing its action in the future, the novels are describing in fact contemporary Russia, like a Janus facing both to the past and to the future. Pointing out a very sad conclusion, the novels concluded that in Russian nothing essential changed: in despite of a vizible surfaces full of changes, the moral and political essence is the same: the autocratic regime is the only one posssible in Russia, no matter of historical era.

Kew words: Vladimir Sorokin, antitotalitarian literature, antiutopia, Russia, Ivan the Terrible, „A Day in the Life of an Oprichnik", „Sugar Kremlin"

[1] С Ольгой Кузнецовой в феврале 2002 г.

[2] Дмитрий Бавильский, *Полтинник Сорокина*, в «Взгляде», 2005г., см.: http://www.vz.ru/columns/2005/8/10/3542.html;

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

Владимир Георгиевич Сорокин родился 7 августа 1955 г. в городке Быково в окрестностях Москвы. Он закончил Институт Нефти и Газа и определенный период готовил иллюстрации для книг. Первые литературные опыты относятся к началу 70-х годов. Тогда же начинает формироваться его интерес к графике, живописи, концептуалистическому искусству (в этот период он участвует в многочисленных художественных выставках и иллюстрирует пятьдесят книг).

Работы Сорокина являют собой особенный пример культуры андеграунда, в советский период они в России не печатались. В 1985 г. в парижском журнале «А-Я» была опубликована серия рассказов писателя, в том же году появился роман «Очередь». В 1989 г. в Германии была напечатана пьеса «Русская бабушка». В России его работы начали печататься с 1989 г. Первые произведения («Тридцатая любовь Марины», «Очередь») были концептуалистической фактуры. Истинную ценность представляет книга рассказов (1992), романы «Норма», «Роман», «Сердца четырех». В 2001 г. он был удостоен премий «Народный Букер» и «Андрей Белый». Написал десять романов, десять пьес и шесть сценариев (*Москва, 4*), а также либретто к опере «Дети Розенталя» (2005)[1].

Как будто для сатисфакции критиков, Сорокин очень просто определяет суть своей литературной деятельности. На вопрос: «что вы делаете в литературе» он ответил: «покрываю бумагу русскими буквами, иногда добавляя и некоторые иностранные слова»[2]. На самом деле писатель имеет свой собственный взгляд на место и роль литературы. Свои работы он называет текстами. Он считает, исходя из этого, что текст мертв и иллюзорен как только чернила ложатся на лист бумаги. Литература представляет собой лист бумаги, содержащий комбинацию печатных знаков, которые подпадают под моральные и этические категории и не отображают истинный образ мышления, поведения и чувства автора.

Он рассматривает литературу как категорию исключительно эстетическую, отвергающую духовные и нравственные императивы, которые поддерживала в последние два столетия[3]. Он заявил в одном из интервью: «Для меня не существует никаких табу в культуре, не вижу там этики, ни морали.

[1] Дети – это клоны Вагнера, Верди, Мусорского, Чайковского, Моцарта, реализованные научным сотрудником еврейско-германского происхождения, Алексом Розенталем. Он, во время утверждения фашизма в Германии, во второй половине 30-х гг., был вынужден покинуть Германию и поселился в Советском Союзе. С помощью Сталина была создана лаборатория, в котором он выращивает клонов для работ и военных целей. Будучи страстным любителем музыки, он создал и клонов некоторых композиторов. После распада Советского Союза лабораторию закрыли из-за отсутствия средств, а клоны композиторов стали петь на улицах, в подземных переходах, на вокзалах. За словами композитора Леонида Десятникова, опера выводит абсурдных героев, которые не могут приспособиться к современному обществу, будучи обречены на неудачу;

[2] Интервью журналу „FHM", июль 2005 г.

[3] См. и David Gillespie, Elena Smirnova, *Vladimir Sorokin*, в *The Literary Encyclopedia*, 2003.

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

Существует только красивое и уродливое. На бумаге можно позволить себе абсолютно все»[1]. Он отрицает моральную ценность печатного слова в том значении, в котором понимали его Толстой и Достоевский, как и статус писателя «инженера человеческих душ» по определению Сталина и социалистического реализма. Авторство его первых работ было поставлено некоторыми критиками под знак вопроса[2].

Сорокин стал объектом внимания общественности в 2002 г., когда консервативное молодежное движение «Идущие вместе» попыталось осудить писателя за роман «Голубое сало», обвиняя его в порнографии. Обвинение касалось и попытки писателя разрушить в своих работах литературные и культурные табу, желания изменить образ литературы в целом, как и роль читателя в литературном процессе. По мнению Сорокина, литература никоим образом не связана с реальностью и оттого автор не может быть обвинен за свои фантазии.

Он был назван «могильщиком литературы», «русским маркизом Де Сад».

Последние два романа Сорокина, прекрасно встреченные русской литературной прессой, «День опричника» и «Сахарный Кремль»[3] знаменуют собой изменение курса произведений Сорокина. Начавши утопией «Голубого сала» и «Льда», писатель переходит к жанру антиутопии, очень любимым в русской литературе, в том числе современной. Имея в виду первый роман этой дилогии, Сорокин утверждал: «Мы живем в обществе, построенном Иваном Грозным, а в этой книге речь идет, естественно, о современности и о Москве как государстве в государстве». Как мы видим, сегодняшний интерес Сорокина обращен больше к содержанию, чем к форме. Юношеские увлечения, провокационные, остались в прошлом, сегодня писатель интересуется очень серьезными проблемами. И, как не парадоксально, Сорокин начинает следовать традициям русской классической литературы, которые он раньше осуждал. Литература, в том числе современная, обязана предупредить общество, когда политик сбился с правильного пути. Литература играет и социальную роль, как подтверждает Сорокин, даже если и полемизирует, иногда намеками, с многими клише старой литературы (посмотри также понятие Достоевского о любви, которая спасет мир с финала романа «Сахарный Кремль»).

Изображая действие недалекого будущего (2027-2028 годы), романы посвящены феодально-футуристической реальности, основанной на известной в

[1] «В культуре для меня нет табу. Владимир Сорокин отвечает на вопросы Сергея Шаповала» // Сорокин В. Собрание сочинений в двух томах, 1, Москва, 1998, с. 10.

[2] И. Левшин, например, считает, что их истинным автором есть Александр Курносов (см. «Новое литературное обозрение». – 1993. - № 2).

[3] Переведены и на румынский язык в издательстве Куртя веке - Бухарест, 2008, перевод и комментарий Михая и Александра Вакуловских; «Сахарный Кремль» - в 2009 г., перевод и аннотации Антоанеты Олтяну).

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

России репрессивной системе. Самодержавие, введенное Иваном Грозным, является, по-видимому, наиболее подходящей моделью для того, чтобы русские сомкнули ряды вокруг опытного отца-правителя в случае угрозы внутреннего и внешнего врага. Система опричнины, первая секретная полиция, введенная в России, являются наиболее реальными для «морального» и политического спасения России.

Царь создал специальное войско, опричнину, которое было настоящей армией для подавления своих врагов. Один из самых ревностных слуг царя был Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, названный также Малютою Скуратовым, которому Владимир Сорокин посвятил роман «День опричника». Опричники, отобранные из дворян, бояр древних родов, и мелкого служилого люду, поселились в наследственных имениях старых боярских семей центральной части Московского государства. Членами гвардии ставали также иностранные наемники. Бывшие владельцы были уничтожены немилосердно, некоторые из них высланы на территории, недавно аннексированные на отдаленных границах государства. Как явствует из вышеупомянутого романа, прочные связи между лидерами опричнины, представленными образом Батьки – и нижними чинами очень тесны. Им даны привилегии, определенные безграничные свободы, в т. ч. свободы слова, с тем, чтобы получить их беспрекословную преданность, готовность исполнять без пререканий все более и более жестокие приказы.

«Слово» монарха было для них законом: создали новую думу, исполнительские институции, личную гвардию царя, сформированную из опричников (в начале их было одна тысяча, а к концу правления – около шести тысяч служащих). В новых, таким образом организованных территориях, существовали только государственные бояре, и крестьяне тоже государственные, подальше от возможного влияния феодальной аристократии, сильное на то время. С фискальной точки зрения опричнина пользовалась, как и впрочем Церковь, великой свободой – не платили налоги, существовала возможность организации монастырей, но под исключительным руководством царя. Иван Грозный видел в этой организации единственною возможность для перенесения на землю, для поданных, Царства Небесного. Царь, помазанник Божий, называл себя игуменом, а своих опричников «братьями монахами», которые ночью совершали всякие светские ритуалы.

Возвращаясь к реальности, изложенной в антиутопии Сорокина, опричнина нового Ивана Грозного есть скорее всего Москва. Как отмечает и автор, метрополия в современной России есть реальным государством в государстве.

Если «День опричника» представляет нам реалии в понимании самих опричников, Андрей Данилович Комяга, один из надежных людей организациии, главный герой романа, описание его обычного рабочего дня – будучи фабулой

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

романа (в заключительной части дилогии происходит возвращение к тому же герою, убитому в последнем разделе «Сахарного Кремля»), второй роман, «Сахарный Кремль» представляет скорее всего антиутопическое качество, обычные реалии этой феодально-современной России, отмеченные сильной идеологией. Структурированный как серия связанных рассказов, как лейтмотив о Сахарном Кремле, подаренном детям Царем на Рождество, который появляется потом в каждой семье, в каждой социальной прослойке как напоминание о всеприсущей диктатуре государства (что-то наподобие новой „нормы", сладкой на этот раз), Сахарный Кремль объединяет вместе детали головоломки, которые составляют русское общество. Сохранивши обломки архаического языка, которыми писатель не злоупотребляет, чтобы воссоздать атмосферу эпохи роман задуман как реконструкция основных институтов феодального государства, а также повседневной жизни средневековой России, что накладывается осмотрительно на реальность сегодняшнего дня. Технические завоевания широко используются москвичами 2027-2028 годов, но их имена архаизованы. Для реализации необходимого единства Сорокин вносит, как и в «Сахарном Кремле», серию второстепенных персонажей (палач Шка Иванов, опричник Охлоп), а также характерные для построения тоталитарной системы фрагменты (страницы, посвященные необходимости сооружения Стены, скромные товары бакалейных и др.), а также достижения науки и техники, находившиеся в распоряжение российских граждан.

Несмотря на наличие признаков материального прогресса, социально-политическая система сильно отстала и находится на уровне «Домостроя» Ивана Грозного, с людьми, которые воспринимают статус жертвы и уходят от этой тяжелой действительности через употребление психотропных веществ, разрешенных, купленных «свободно» в аптеке (*кокоша*), или приобретенных попрошайками или из под полы, как в случае «аквариума», использованного опричниками, другие же поставляются через сеть сопротивления из андеграунда. Свобода слова тотально не подавлена (о чем свидетельствуют анекдоты о царице, которые циркулируют и в селах, и в корчмах), но существуют «враги режима», которые за вину, более или менее выдуманную, высылаются в трудовые лагеря. Послание разочарованной женщины, покинутой после свадьбы своей сестрой, является новым доказательством манипуляции простых людей через своего рода мозговой контроль со стороны Кремля – как институции власти, но и как символ самодержавной России. Белый Кремль, ослепительный, является тем, кто тревожит, гипнотизирует девушку, которая приехала в Москву увидеть белое чудо («Письмо»), Белый Кремль, холодный, кокаиновый, увиденный во сне царицей («Сон») является единственным средством восприятия этого комплекса, любви к нему, желания, в итоге, белый Кремль из сахара есть напоминание о власти, как и ее наркотиком, которым «услащаются» поданные всей империи. Состояние

BDD-A24211 © 2010 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

обычного транса, достигнутого с помощью наркотических средств, есть то, что дает максимальную свободу, которой могут воспользоваться подданные новой России. Даже для опричников сексуальные оргии, усиленные воздействием психотропных средств, есть путь освобождения из этого мира, способ, через который любой человек может покинуть эту реальность (и только в группе, а не индивидуально).

Роман богат многочисленными современными темами, как например, тема (не)поставки природного газа в Европу (несмотря на достижение технического прогресса, газовый кризис ощущается сильно и населением, которое вынуждено строить «русские печи», топить дровами и экономить на выходные электрическую энергию, подниматься по лестнице, а не лифтом!!!, все для того, чтоб поставлять как можно больше газа на экспорт), промышленного и гуманитарного натиска Китая, нового Железного Занавеса, поднятого между Европой и Россией, иллюстрированного на примере Великой Российской Стены. Оба тома неустанно возвращаются к описанию Стены-Занавеса (сперва знакомят с этим клише устами одного из руководителей опричнины – Батька, тогда как во втором томе, устами маленькой Машеньки, которая хорошо усвоила лозунги, прививаемые детям в школе), в качестве оправдания перед населением за репрессивные меры, принятые для поражения врагов, особенно внешних, и тем самым способствовать сохранению статуса «незапятнанности» рядовых россиян. Более того, сама конструкция возникает как смысл, высшая цель государства, достижение которой идентично пришествию на землю Божьего Царства: «Знает, что не закончится никогда строительство Великой Стены, которому мешают внутренние и внешние враги. Что надо изготовить еще много кирпичей для наступления всеобщего счастья. Возвысится, возвысится Великая Стена, которая защитит Россию от внешних врагов. А тех, которые внутри, опричники государства разорвут на куски. Потому что за Великой Стеной находятся только проклятые киберпанки, которые употребляют незаконно газ, лицемерные католики, бесстыдные протестанты, сумасшедшие буддисты, злые мусульмане и просто развратные атеисты, сатанисты, которые в аккордах «проклятой» музыки извиваются на площадях, прыткие наркоманы, ненасытные содомиты, которые сверлят в темноте свои задницы, страшные оборотни, которые меняют данный Богом облик, жадные плутократы, виртуальные зловредители и безжалостные технократы, и садисты, и фашисты, и мегаонанисты…». Как и в период сталинских репрессий, когда были ужесточены меры «защиты» российских граждан от соблазнов извне, особенно с Запада, и в России нового царя ищут для простых людей оправдания этих мер невиданной жестокости через прогрессирующие (ре)генерирование врагов, вызванное величием Дела, пути избранного руководителями.

Характерным для большинства персонажей рассказов «Сахарного Кремля» - это определенное оцепенение, состояние роботов, до которого они дошли. Мир,

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

в котором они живут, в любом случае, полон роботов, а также государственные учреждения, их служащие, простые люди обязаны развивать на каждом шагу автоматизацию. Безусловно, что и в «Домострое», подготовленном Иваном Грозным посредством своего духовника Сильвестра для любой повседневной ситуации, в котором попадает человек, должно существовать поведенческое решение. Машенька, старушка из очереди чувствуют себя обязанными доносить когда что-то запрещенное властью или представляющее потенциальную угрозу для ней появляется на горизонте. Зависимость от власти, может быть, в свою очередь, сильным наркотиком. Царь-батюшка, отец нации, как воспринимались кремлевские руководители исторически, остается навязчивым лейтмотивом. Присутствие, Слово, Дело царя (но и «Слово и Дело» опричнины!) воспринимаются населением как ниспускающие, в прямом и переносном смысле, с небес. За молчаливым согласием, на всех социальных уровнях переносится все та же строго исполненная иерархическая структура: людьми царя, государственными институциями (из которых наиболее влиятельной выступает опричнина, как и Секретное Управление, в будущем служба безопасности, более изысканная – смотри раздел «Кочерга»). И в публичном доме, и в корчме, и в среде скоморохов каждый знает свое место и старается не входить в конфликт с властью. Шизофреническое раздвоение получает полную свободу: сам с собою каждый критически настроен по отношению к этим учреждениям, даже по отношению к императорской семье. Реальной силой, которая может что-то изменить, являются те же старые «бояре», старые номенклатурщики, которые, в конечном итоге, несмотря на демонстрации силы Царя, восстановят насильственным путем свои позиции. Как и во времена Ивана Грозного, ситуация сильно не изменится с уничтожением опричнины. В интервью Николаю Соколову, корреспонденту «Newsweek», Сорокин заявил: «Опричнина всегда умирает формально. Ее дух остается в сознание россиян. Гниет в нас. И потому и по сей день каждый телохранитель или работник автостоянки считает себя немножко опричником. Что уже говорить про президентскую администрацию …».

Переименование учреждений не означает подлинного прогресса, новые лидеры с особым натиском прошлись и вверх, и вниз социальной лестницы. То, что совершенно ясно, - это то, что для простых людей ничего не изменяется к лучшему. Строгие правила как были, так и останутся и, будь то разговор про Кремль Белый или другого цвета, люди и дальше останутся быть«очарованы» этими символами власти, нисходящие сверху. Сегодняшняя Россия олигархов, разделенная надвое, на страну вседозволенности – Москву, и остальной мир – бедную и отупленную страну, в которой людям достается мало радости, представляющую драматический образ, смесь неофеодализма и автократии, косметически приукрашенной внешними признаками последнего поколения. Дилогия Сорокина – одна из наиболее реалистических произведений

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)

современного русского пейзажа, подлинный сигнал тревоги, воспринятый правильно российской прессой, которая до недавнего времени яростно критиковала нонконформиста Сорокина, а сейчас предоставляет необходимый кредит.

С композиционной точки зрения Сорокин снова апеллирует к постмодернистским методам составления текста. Кроме архаического языка, о чем уже упоминалось, встречаем на каждом шагу отголоски творчества русских классических писателей, пародированных или цитированных в романе (сон белого коня Комяги со ссылкой на летающую тройку Гоголя с «Мертвых душ», обеденный перерыв в лагере чем-то напоминает книгу «День из жизни Ивана Денисовича» Солженицина, нищие под воздействием наркотиков со ссылкой на драму «На дне» Максима Горького; «Мне нравятся сады, в них чувствуется прекрасный дух», говорил один нищий, мысленно посылая нас к «Вишневому саду» Чехова, мысли нищих о святости напоминают нам «Братьев Карамазовых» и философские представления старца Зосима и др.). Кроме того, пародированы также множество поговорок, разговорных выражений, характерных для советской эпохи, и, как и в «Голубом сале», в этом романе встречаем «китайский мотив» в форме многочисленных названий предметов, произнесены героями на китайском языке, и особенно реальность, которая указывает на присутствие, все более массивном, в русском обществе соседей с Востока, одержимость / предчувствие писателя, который воспринимает без возражения все более тесные контакты с «желтым» другом.

Через свои последние романы, Сорокин вовлекает нас в «истинную» игру. Аутентичная фантазия, практикуемая раньше, кажется исчезла. Все происходит уже не на бумаге, экзотизмы используются не только для юмора. Несмотря на безграничную игру, романы Сорокина бьют серьезную тревогу для предупреждения восстановления (или продолжения) новой автократии в России. И, исходя из его последних работ, мы можем утверждать, что Владимир Сорокин действительно становится классическим писателем. Классиком, таким как писатели, которых высмеивали постмодернисты: морализатором, подлинным представителем общества, которому он принадлежит, свидетелем, который видел и слышал вещи, которые помогут современнику лучше понять реальность, если они ее не поняли. Или, чтобы убедится, что действительно не до шуток, - что ситуация является более сложной, чем кажется, что, несмотря на декоративную демократию, удовольствия тех, которые находятся у власти, первичны, а простые люди должны быть благодарны – ничего нового! – за то, что им подготовила власть. Если на уровне литературного жанра дилогия Сорокина может быть отнесена к антиутопии, в реальности она представляет нам страницы хроники наших дней, гораздо страшнее, чем любое вымышленное произведение.

BDD-A24211 © 2010 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-15 20:51:33 UTC)